

СВЯТЫЕ И СВЯТОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 94; ББК 63.3(2)42–45; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2023.101>

Л. Б. Сукина

**СВЯТЫЕ, ПРИПЛЫВШИЕ ИЗ-ЗА МОРЯ:
«НЕМЕЦКАЯ» МОДЕЛЬ ЮРОДСТВА
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ**

В последние десятилетия в российской гуманитарной науке вновь активно обсуждается проблема юродства как специфического типа святости, получившего особое распространение в Московском государстве XV–XVII вв.¹ В историографии распро-

¹ Большое значение для возобновления интереса к феномену юродства в русской средневековой культуре имели исследования А. М. Панченко и Б. А. Успенского. См.: *Панченко А. М. Смех как зрелище // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 72–110; Панченко А. М. Юродивые на Руси // Панченко А. М. Русская*

странено представление, что его образцом для русских подвижников послужил пример восточных «похабов» и, главным образом, византийское житие Андрея Юродивого². Под влиянием этого интеллектуального стереотипа оказываются даже исследователи житий, которые заметно выпадают, благодаря своеобразию своего сюжета и главного персонажа, из общей традиции³. При этом еще А. М. Панченко обратил внимание на то, что из нескольких десятков юродивых, чтимых в русском православии, лишь семеро принадлежали к числу святых, чье почитание пришло из Византии уже в домонгольское время (Исидора, Серапион Синдонит, Виссарион Египтянин, палестинский монах Симеон, Фома Келесирский и Андрей Цареградский)⁴. Только последний из них имел в византийском мире и на Руси развитую агиографию. В нашей статье предпринимается попытка обосновать гипотезу об использовании при формировании культа некоторых святых-юродивых русской церкви иной модели данного подвига, заимствованной не из восточной, а из западной средневековой религиозной культуры.

Поводом для размышлений в этом направлении послужили несколько общих наблюдений, которые были сделаны нами в процессе изучения истории почитания юродивых в средневековой Руси. Во-первых, этот тип святости прижился в русских землях далеко не сразу после усвоения византийской модели христианства. В домонгольский период было установлено почитание только одного местного юродивого — жившего в XI в. Исаакия Печерского, богатого купца из Торопца, принявшего постриг в Киево-Печерском монастыре. Сведения о нем содержатся в «Повести временных лет» и Киево-Печерском патерике⁵. Но у Исаакия юродство на первоначальном этапе присутствовало,

---

история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 392–407; Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1. С. 320–332. — Наиболее заметными среди публикаций последних десятилетий являются работы С. А. Иванова. См.: Иванов С. А. 1) Византийское юродство. М., 1994; 2) Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005; *Ivanov S. Holy Fools in Byzantium and Beyond*. Oxford, 2006. — С точки зрения эстетики и философии культуры юродство рассматривал С. Е. Юрков. См.: Юрков С. Е. Под знаком гротеска: Антиповедение в русской культуре (XI — начало XX вв.). СПб., 2003. С. 52–69. — Для А. Л. Юрганова источниковедческая интерпретация житий юродивых стала основой изучения переходного процесса в русской культуре: Юрганов А. Л. Убить беса: Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006. — Феномен юродства был предметом исследования в сборнике, вышедшем в серии Трудов Государственного исторического музея: Юродивые в русской культуре: Сборник научных статей / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. [Вып. 197]. М., 2013. — Опубликованы десятки работ, посвященных агиографии и иконографии юродивых Древней Руси. Большая часть из них учтена в публикациях О. А. Туминской. См., например: Туминская О. А. 1) Блаженные и юродивые в истории, житии и изобразительном искусстве Древней Руси. СПб., 2012; 2) Блаженные и юродивые в русской иконе XVI–XIX веков. СПб., 2014.

² Это мнение закрепилось, в том числе, благодаря тщательно выполненному исследованию и публикации греческих и славянских списков жития этого святого. См.: Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

³ См., например: Гладкова О. В. Агиографический канон и «западная тема» в «Житии Исидора Твердислова, Ростовского Юродивого» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 81–88.

⁴ Панченко А. М. Смех как зрелище. С. 72.

⁵ ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. Стб. 191–198; Т. 2. Стб. 182–189; Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Трав-

скорее, как экзотический элемент (ношение козлиной шкуры поверх власяницы) более традиционного для эпохи затворнического подвига монашествующих. Лишь позже он начал досаждать другим монахам и мирянам своими обличительными речами, собирать у себя в пещере детей и одевать их, против воли родителей, в монашеские облачения.

Во-вторых, долгое время преобладающим типом подвижничества в средневековой Руси был монашеский аскетизм. При этом игумены и монастырские старцы не одобряли его крайние формы — затворничество и столпничество. Их старались допускать только для тех, кто прошел длительный путь послушания в условиях монастыря⁶.

В-третьих, культ Андрея Юродивого (предположительно служившего образцом для подвигов русских салосов), несмотря на распространение списков его жития, на Руси был преимущественно связан с празднованием Покрова Богородицы. Андрей почитался, в первую очередь, как святой — свидетель этого чудесного явления Божией Матери. Об этом мы можем судить по материалам древнерусской иконописи, в которой сохранилось много композиций Покрова⁷, но всего одно единоличное изображение Андрея Юродивого на житийной иконе, разными специалистами датирующееся началом, первой половиной или серединой XVI в.⁸ Большинство ее клейм посвящено эпизодам визионерского опыта святого и его чудесам.

Развитие «национального» культа юродивых произошло довольно поздно, уже в Московском государстве в конце XV – XVI в. и было связано с формированием в это время обширного пантеона общерусских и местных святых. Этот процесс сопровождался составлением и редактированием их житий. В историографии давно и постоянно отмечается неполнота и малосодержательность агиобиографий святых-юродивых.

По мнению И. У. Будовница, специально занимавшегося этим вопросом, жития большинства из них представляют не связную историю жизни, а «конгломерат» эпизодов легендарного характера, отчасти заимствованных из других агиографических сочинений. Ученый полагал, что причиной этого была канонизация юродивых спустя значительное время после их смерти, так как современники не верили в святость людей,

---

ников. М., 1999. С. 77–80. — См. также: *Мюллер Л.* Рассказ об Исаакии и сказание «что ради зовется Печерский монастырь» // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). СПб., 2003. Т. 54. С. 66–69.

⁶ Об этом свидетельствуют жития первых подвижников Киево-Печерского монастыря, а также древнерусских столпников Кирилла Туровского и Никиты Переславского. См.: Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик... С. 7–80; *Мельникаў А. А.* Кірыл епіскап Тўраўскію. Жыццё, спадчына, светапогляд. Мінск, 2000. С. 14–16; *Федотова М. А.* Житие Никиты Столпника Переславского (рукописная традиция жития) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 309–331.

⁷ См.: *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. II. С. 56–62, 93–102; *Спаский Ф. Г.* К происхождению иконы и праздника Покрова // Общество «Икона» в Париже. М., 2002. Т. 2. С. 198–215.

⁸ Икона «Андрей Юродивый с житием». Государственный Русский музей, Санкт-Петербург. Инв. ДРЖ 2099. Обоснования датировок см.: *Лазарев В. Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVI в. М., 2000. С. 122–123, 371; *Комашко Н. И., Саенкова Е. М.* Русская житийная икона. М., 2007. С. 244–245; *Вилинбахова Т. Б.* Коллекция Николая Петровича Лихачева (1862–1936) // Древлехранилище памятников иконописи и церковной старины в Русском музее. СПб., 2014. С. 178–179.

которых они знали как слабоумных. Агиографам, не имевшим достоверных сведений о жизни русских салосов, приходилось конструировать их жития из разнородного и во многом случайного материала⁹. Нам представляется, что сумбурность текстов древнерусской агиографической литературы о юродивых провоцировало и отсутствие утвержденных церковной традицией национальных образцов.

Маргинальное положение практик юродства в религиозной жизни Руси в предшествующие столетия заставляло агиографов искать объяснение того, откуда вообще взялись юродивые, почему они выбрали такой путь и на кого ориентировались в своем подвижничестве. Самыми распространенными ответами на эти вопросы были — происхождение подвижников из простых людей, отсутствие у них книжного образования, непонимание ими богословской подоплеку традиционного монашества или священнической деятельности. Но не все салосы, подвизавшиеся в русских городах, подходили под эти характеристики. Необходимо было объяснить их тягу к юродству как-то иначе.

Одним из вариантов стало утверждение, что святые, решившиеся на столь необычный подвиг, прибыли из иных, не православных земель. В свое время А. М. Панченко писал, что миграцию западных христианских подвижников вызвало их стремление к юродству, которое было невозможно в Европе¹⁰. Но в русской агиографии об этом не говорится (упоминается только их тяга к православию как к «истинно христианской» вере). Наоборот, необычное поведение некоторых юродивых объясняется их иноземным происхождением.

Агиографы называли иноземцами двух юродивых из тех, почитание которых было установлено в числе первых. Это Исидор Твердислов (ум. 1474 или 1484) из Ростова и Прокопий Устюжский (ум. 1303). Остановимся подробно на этих примерах еще и по причине неплохой сохранности и изученности житий данных святых.

Самые ранние из сохранившихся списков жития Исидора Твердислова относятся к первой трети XVI в. Его прославление в Ростове началось в последней четверти XV в., вскоре после смерти, но официальное почитание было установлено только во второй половине XVI в. М. Д. Каган полагала, что составление ядра жития Исидора может быть отнесено к XV в., то есть оно создавалось сразу после кончины юродивого¹¹. Житие известно в нескольких редакциях XVI – начала XVII в., хронологическая последовательность которых до сих пор точно не установлена¹².

---

⁹ Будовниц И. У. Юродивые Древней Руси // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1964. Т. 12. С. 190–191.

¹⁰ Панченко А. М. Смех как зрелище. С. 72–73. — А. М. Панченко экстраполировал на всю «Древнюю Русь» единственный известный пример иноземца (предположительно, французского гугенота) — выпускника Сорбонны, приехавшего в Россию в середине XVII в. и под именем Вавилы ставшего последователем старообрядческого аскета Капитона (Там же. С. 73; См. также: Барское Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества // Летопись занятий Археографической комиссии за 1911 г. СПб., 1912. Вып. 24. С. XV (Примеч. 1), 330–334).

¹¹ Каган М. Д. Житие Исидора Твердислова // Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее — СККДР). Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 282.

¹² Исследованием жития Исидора Твердислова занимались О. В. Гладкова и З. Н. Исидорова. См.: Гладкова О. В. 1) Агиографический канон и «западная тема»...; 2) Древнерусский святой, пришедший с Запада (о малоизученном «Житии Исидора Твердислова, ростовского

Еще В. О. Ключевский, а потом и М. Д. Каган отметили, что в житии Исидора наряду с какими-либо датами отсутствуют ростовские мотивы и реалии, указания на местные события и имена¹³. Зато в нем много новгородских сюжетов. Это чудеса святого, занимающие большую часть житийного текста. Так, например, чудо о князе сюжетно совпадает с одним из чудес новгородского юродивого Николы Качанова (ум. 1392), а запрет тревожить могилу Исидора отсылает к летописному рассказу 1462 г. о попытке Ивана III открыть мощи Варлаама Хутынского. Это позволило предположить, что составителем ранней редакции жития мог быть новгородец. При этом отдаленным образцом для него, с точки зрения исследователей, послужило житие Андрея Цареградского или житие еще одного византийского юродивого Симеона Эмесского¹⁴.

Обращают на себя внимание странности сюжета и первого прижизненного чуда святого. Он спас некоего купца, путешествующего по морю. Во время бури спутники, чтобы успокоить волны, спустили купца на доске на воду, принося в жертву стихии. Исидор, явившийся на это место, вернул его обратно на борт и запретил рассказывать об этом событии до своей смерти¹⁵. Анализируя это чудо, дореволюционные и некоторые современные исследователи видели в нем влияние новгородской былины о Садко¹⁶. Однако для такого утверждения приходится допустить, что сюжет былины был известен составителю жития в конце XV в. примерно в том виде, в каком он оказался во второй половине XVIII в. в распоряжении Кириши Данилова и М. Д. Чулкова, и агиограф в своей работе смело пользовался устным фольклорным, а не книжным протографом. Еще одно допущение исследователи делают, когда называют свидетеля чуда «ростовским купцом». В тексте жития указано только, что он был из того города, «где жил Исидор». Но в житии подчеркнуто, что святой все время странствовал, то есть это могло произойти в любом месте, где Исидор задержался на более или менее продолжительное время. Никакими сведениями о «мореплаваниях» ростовских торговых людей в середине – третьей четверти XV в. мы также не располагаем.

Может быть, у этого чуда Исидора и сюжета о попадании Садко в подводное царство был какой-то общий неизвестный нам, но знакомый агиографу книжный источник?

юродивого») // Древнерусская литература: Тема Запада в XIII–XV вв. и повествовательное творчество. М., 2002. С. 167–210; 3) Странность юродивого («западная тема» и агиографический канон в «Житии Исидора Твердислова») // О славяно-русской агиографии. М., 2008. С. 68–82; *Исидорова З. Н.* О редакциях жития св. Исидора Твердислова // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность.* СПб., 2001. Вып. 4. С. 96–110.

¹³ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (репринт 1988 г.). С. 280–281; *Каган М. Д.* Житие Исидора Твердислова. С. 283–284. — Исследование С. В. Городилова, в котором с помощью неагиографических источников реконструируется становление ростовского культа святого, несомненно, представляет большой интерес, но в большей части не имеет прямого отношения к нашей проблематике. См.: *Городилин С. В.* Между «немецкою землею» и Ростовом: Исторические реалии в Житии Исидора Твердислова // *Slověne.* 2018. Vol. 7. № 2. С. 414–450.

¹⁴ См.: *Гладкова О. В.* Агиографический канон и «западная тема»...

¹⁵ В настоящей работе мы пользуемся публикацией жития Исидора Твердислова, осуществленной О. В. Гладковой. См.: *Гладкова О. В.* Древнерусский святой, пришедший с Запада... С. 180–203.

¹⁶ Подробнее см.: *Гладкова О. В.* Агиографический канон и «западная тема»... С. 85.

О. В. Гладкова предполагает в обоих случаях влияние жития Николая Чудотворца, особенно добавленного к его тексту уже древнерусскими книжниками чуда о спасении новгородского купца¹⁷. Но общего там только широко распространенный в античной и средневековой литературе мотив бури на море, а содержательно сюжеты о спасении Исидором купца и о приключении Садко существенно различаются.

Если исключить чудеса, то само житие Исидора бедно событиями. Пожалуй, самая яркая его деталь — указание на происхождение святого: «Яко поведают неци, от западных убо стран, от латынского языка, от немецкия же земля, от славных же и богатых, яко же глаголют, от местерьска роду бе»¹⁸. При отсутствии других уточняющих деталей, кроме туманной фразы об обретении Исидором на Руси некоего «древлепогубленного отечества», поиски места рождения ростовского юродивого вряд ли имеют смысл. Однако иногда пытаются его определить. Так, архиепископ Филарет (Гумилевский) полагал, что Исидор был славянином и родился где-то в Германии около Бранибора (Бранденбурга). Филарет исходил из логики, что в тех местах «бедные славяне теснимы и угнетаемы были немцами с бесчеловечною жестокостью»¹⁹. Но это всего лишь умозрительная историографическая конструкция, не опирающаяся на источники.

Нельзя полностью согласиться и с предположением А. М. Панченко, поддержанным С. А. Ивановым, что «иностранное» происхождение юродивых часто подчеркивало их чуждость миру²⁰. Во-первых, в житиях русских юродивых — это единичные случаи (у других «чуждость миру» выражалась в образе жизни и поведении). Во-вторых, как это ни парадоксально звучит, в рассматриваемой фразе из жития Исидора по сравнению с житиями византийских юродивых-иноземцев, слишком много подробностей. Может быть, ближе всех к разгадке фразы подошла Гладкова, предположив, что, возможно, мы имеем дело с агиографическим топосом, но его источник не определен²¹.

Стремясь объяснить, откуда мог прийти на Русь Исидор, исследователи пытаются по-разному толковать его прозвище Твердислов, известное по всем редакциям жития. При этом не все обращают внимание на то, что в начальном стихе текста оно объясняется прямо и довольно однозначно: «Твердислов вправду тезоименно наречеса, утверди бо ум и с словом вкупе, еже к Богу обеща»²². То есть Исидор был тверд в вере. Большинство исследовательских толкований варьирует именно этот смысл прозвища. Однако С. А. Иванов почему-то видит в прозвище святого иное значение: «Твердислов — это тот, кто все время твердит какое-нибудь слово»²³. Встречаются и более экзотические толкования. Например, иеромонах Алексей (Кузнецов) в свое время предполагал, что мирское имя святого было Твердислав, «позднейшими переписчиками переделанное в Твердислов и неправильно толкуемое как прозвание его за то, что слова его сбывались»²⁴. Здесь мы видим своеобразное «ономастическое» развитие уже упоми-

---

¹⁷ Гладкова О. В. Агиографический канон и «западная тема»... С. 85.

¹⁸ См.: Гладкова О. В. Древнерусский святой, пришедший с Запада... С. 183.

¹⁹ [Филарет (Гумилевский), архиеп.]. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Опыт описания жизни их. Чернигов, 1863. Т. 2. С. 97.

²⁰ Панченко А. М. Смех как зрелище. С. 72; Иванов С. А. Византийское юродство. С. 44.

²¹ Гладкова О. В. Агиографический канон и «западная тема»... С. 87–88.

²² См.: Гладкова О. В. Древнерусский святой, пришедший с Запада... С. 180.

²³ Иванов С. А. Блаженные похабы... С. 249.

²⁴ Алексей (Кузнецов), иеромонах. Юродство и столпничество. М., 2000. С. 52. (1-е изд. — СПб., 1913).

навшейся выше и популярной у церковных историков второй половины XIX – начала XX в. версии «западнославянского» происхождения Исидора, предложенной архиепископом Филаретом (Гумилевским) и поддержанной отцом Иоанном (Ковалевским)²⁵.

При этом исследователи не часто обращают внимание непосредственно на имя Исидор — редкое для русской святости²⁶. Кажется, только С. В. Городилин отметил, что день преставления ростовского юродивого совпадает с днем памяти раннехристианского мученика Исидора Хиосского (ум. 251)²⁷. Тот служил в римском флоте и почитается в Средиземноморье как покровитель моряков. С. В. Городилин небезосновательно предполагает, что это обстоятельство могло повлиять на сюжет первого чуда Исидора Твердислова о спасении на море купца²⁸.

Такое же имя носил и прославленный католический святой, последний латинский Отец Церкви Исидор Севильский (ум. 636), жизнеописание и труды которого были широко известны в средневековой Европе. По свидетельству самого Исидора Севильского, он принадлежал к знатному испано-римскому роду. Его отец состоял на государственной службе, в более поздних источниках его называли «префектом Карфагена» (испанской Картагены). Мать, по разным данным, была дочерью готского короля или тоже испано-римской аристократкой. Семья Исидора, родители которого, предположительно, были христианскими ортодоксами, покинула Новый Карфаген перед захватом его византийскими войсками или во время арианских гонений короля вестготов Агилы I. Новое пристанище они нашли в Гиспалисе (Севилье). Приняв монашеский постриг, Исидор Севильский вел уединенную жизнь затворника, пока не занялся проповеднической и административной деятельностью, и при этом общался с королем Рекаредом I, его окружением и клириками²⁹. Прославленный еще до разделения церквей, Исидор Севильский почитался и в православии. Основные моменты его агиобиографии были известны на Руси по византийским источникам³⁰.

Случайно или нет, между житиями Исидора Севильского и Исидора Твердислова есть сюжетная переключка. Оба были сыновьями «благородных родителей», оба покинули родину и обрели новое гостеприимное пристанище в другом месте, где избрали для себя жизнь праведников. Кстати, юродство Исидора Твердислова в житии только обозначено (ходил «яко юрод»). Его странность состояла в аскетическом отказе от ценностей мира

²⁵ См.: [Филарет (Гумилевский), архиеп.]. Русские святые... С. 97; Иоанн (Ковалевский), священник. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и русской церкви. М., 1902. С. 248.

²⁶ Следует заметить, что в Византии и на Руси почиталась юродивая Исидора (IV в.), подвизавшаяся на Ближнем Востоке. Подробнее о ней см.: Иоанн (Ковалевский), священник. Юродство о Христе и Христа ради юродивые... С. 103–106. — Позже такое имя носили грек по происхождению митрополит Киевский и всея Руси Исидор (1385/139–1463) и современник Твердислова священномученик Исидор Юрьевский (ум. 1472), настоятель Никольской церкви Юрьева (Дерпта), по преданию, убитый вместе со своими прихожанами за отказ поменять православную веру на католическую (Подробнее см.: Соколова Л. В. Житие Исидора Юрьевского // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 284–285).

²⁷ Городилин С. В. Между «немецью землею» и Ростовом... С. 427.

²⁸ Городилин С. В. Между «немецью землею» и Ростовом... С. 427. Примеч. 21.

²⁹ Подробнее см.: Уколова В. И. Первый средневековый энциклопедист // Вопросы истории. 1983. № 6. С. 185–188.

³⁰ См.: Синаксарь: Жития святых Православной Церкви. М., 2011. Т. IV. С. 447–450.

и в отшельнической жизни в построенном им самим шалаше. Никакие традиционные для юродивых «похабства» в житии не описаны. С. А. Иванов замечает, что древнерусские агиографы, в отличие от византийских, словно «смушались» их изображать³¹. О. В. Гладкова подчеркивает, что в житии Исидора Твердислова это «смушение» проявилось во всей полноте³². Но причиной такой литературной скромности, возможно, является не особое целомудрие агиографа, а избранная им модель составления жизнеописания святого. Подвижничество Исидора не характеризуется в житии как юродство в полном смысле этого слова. Оно было не совсем обычно для русских праведников, но в европейском Средневековье определенный религиозный эпатаж был не чужд некоторым известным и почитаемым святым западной церкви (кроме Исидора Севильского, например, Франциску Ассизскому).

О. В. Гладкова обратила внимание на то, что основной текст жития Исидора Твердислова словно собран из «пустых» агиографических топосов³³. Из них конструируется агиобиография праведника, о котором составителю не было известно ничего конкретного. При этом в житии неоднократно подчеркивается иноземное, западное происхождение Исидора и, одновременно, его приверженность православной вере. Исидор представлен неким пришлым издалека праведником, обретшим на православной Руси свое духовное пристанище, но продолжающим практиковать усвоенный еще в иных землях аскетизм. Составляя житие, древнерусский автор двигался непроторенным путем, вероятно, используя для своей работы доступные жизнеописания иноземных святых, пребывавших в «немецкой» земле, откуда был родом его герой.

Несколько иная и более насыщенная биографическими и бытовыми подробностями модель агиобиографии юродивого-иноземца представлена в житии Прокопия Устюжского. Он, согласно преданию, жил в XIII в. В XVI в. Прокопий стал первым юродивым, которому было установлено общерусское почитание (1547). Но его житие было составлено позже, чем у Исидора Твердислова, — во второй половине XVI – XVII в. В составе текста, видимо, присутствуют фрагменты агиографических сочинений более раннего времени (конца XV – начала XVI в.)³⁴. Сюжет и язык жития Прокопия отличается заметным своеобразием. По мнению исследователей, начиная с В. О. Ключевского, в нем со всей очевидностью прослеживается «упрощение» житийного канона, характерное для северорусской агиографии XVI–XVII вв.³⁵

В начале Жития мы встречаемся, по-видимому, с тем же самым топосом, который уже знаком нам по агиобиографии Исидора: «Сей убо блаженный и присно поминаемый Прокопий, якоже о нем исперва поведают нецыи от человек житиие Великаго Нова

---

³¹ Иванов С. А. Византийское юродство. С. 212.

³² Гладкова О. В. Агиографический канон и «западная тема»... С. 86.

³³ Гладкова О. В. Агиографический канон и «западная тема»... С. 88.

³⁴ См.: Белоброва О. А., Власов А. Н. Житие Прокопия Устюжского // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 322–324. — История текста жития и историография его исследований наиболее полно изложена А. Н. Власовым (См.: Власов А. Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010. С. 470–540). Им же издан наиболее полный компендиум источников, связанных с почитанием Прокопия в Великом Устюге (Там же. С. 7–469).

³⁵ См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 367–371; Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 181–184.

града, бывшу ему от Западных стран, от языка латинска, от немецкия земли. Рождение же и воспитание его бысть в великом богатстве. Родитель же, и ужик, и веры никто же весть, но токмо единому Богу сведущу сия»³⁶. Это сходство с житием ростовского юродивого давно уже замечено исследователями³⁷.

Однако, в отличие от жития Исидора, в агиобиографии устюжского юродивого присутствует прямая привязка к новгородской земле. Прокопий приплыл именно в Новгород «из своего отечества» на корабле, наполненном богатствами. В этот город его товарищи прибывали «купецким обычаем» каждое лето. Здесь Прокопий принял православную веру, постригся в монастыре Варлаама Хутынского, и некоторое время жил в этой обители³⁸. Новые подробности о происхождении Прокопия составители жития вкладывают в уста неких, но при этом многих, новгородцев. Именно они говорят, что тот пришел «от сиверных страны от немецкия земли кораблем»³⁹. А. Н. Власов обратил внимание на то обстоятельство, что почитание Прокопия в Сольвычегодске было связано с новгородским культом святого Варлаама Хутынского, с которым устюжский юродивый был изображен на одной иконе в предстоянии Спасу. В середине XVI в. эта икона прославилась как чудотворная, что было неудивительно, так как Сольвычегодск в это время был населен выходцами из Новгорода, чтившими своих святых⁴⁰.

В первой части жития Прокопий, как и Исидор Твердислов, не совершает никаких безумств. Его юродство, так же как и у Исидора, сводится к желанию бродяжничать по свету в одиночестве, для чего он покидает монастырь. Лишь во второй части говорится, что оказавшись в Устюге, где у него не нашлось «странноприимника» (то есть ему негде было жить и кормиться), Прокопий отчасти вынужденно становится полноценным юродивым: ходит босым и полунагим, спит на кучах мусора, а потом начинает пророчествовать, предсказывая всякие бедствия.

Как и в случае с Исидором Твердисловым, в житии Прокопия нет никаких указаний, откуда точно был родом устюжский юродивый. Его происхождение из прусской семьи богатых ганзейских купцов, живших в немецком Любеке, не что иное, как историографический и агиографический миф, тиражируемый в новейших изданиях жития, церковно-исторической литературе и публицистике⁴¹. День памяти Прокопия Устюжского 8 июля, установленный при канонизации, совпадает в церковном календаре с памятью тезоименитого ему святого великомученика Прокопия из Иерусалима⁴². Из года смерти этого великомученика (ум. 303), по справедливому предположению А. Н. Власова,

³⁶ Власов А. Н. Житийные повести и сказания... С. 11–12.

³⁷ Белоброва О. А., Власов А. Н. Житие Прокопия Устюжского. С. 323.

³⁸ Власов А. Н. Житийные повести и сказания... С. 12–15.

³⁹ Власов А. Н. Житийные повести и сказания... С. 15.

⁴⁰ Власов А. Н. Житийные повести и сказания... С. 483–484.

⁴¹ См., например: *Ljaschewski S. Der Heilige Prokopij von Lübeck. Lübeck, 1948.* — Новейшие редакции жития Прокопия также включают этого святого в генеалогию царской династии Романовых. У этого мифа, приобретшего популярность во втором десятилетии XX в. в связи с 300-летним юбилеем дома Романовых и получившего «второе дыхание» в наше время, нет никаких научно обоснованных подтверждений. См., например: *Кузнецов И. И., протоиерей. Святой Прокопий, праведный устюжский чудотворец. Опыт исследования жития // Летописный и лицевой изборонок Дома Романовых. М., 1913. Вып. 2. С. 83–105.*

⁴² Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2. С. 195–196.

скорее всего, и был «выведен» внесенный в летописи, но отсутствующий в житии год кончины устюжского юродивого — 1303⁴³. Но при этом сюжетного сходства в житиях двух святых нет.

Отдельного внимания заслуживает исследование С. Матхаузеровой, сопоставляющее жития чешского святого Прокопия Сазавского и Прокопия Устюжского⁴⁴. Прокопий Сазавский был канонизирован значительно раньше устюжского юродивого, а история текста его жития известна со второй половины XIV в. Исследовательница заметила, что некоторые сюжетные элементы житий обоих Прокопиев вызывают ассоциации с жизнеописанием небесного покровителя Европы, реформатора западного монашества и основателя первого европейского монашеского ордена, святого Бенедикта Нурсийского (480–563)⁴⁵, житие которого было переведено на старославянский язык еще в XI в. и получило известность в том числе и на Руси.

Итак, в житиях двух ранних русских юродивых мы можем выделить общую для них и не совсем обычную для русской агиографии топику. Исидор Твердислов и Прокопий Устюжский неоднократно называются в текстах житий иноземцами. Происхождение обоих «локализуется» в Западных странах, «немецкой земле» и связывается с «латинским языком». Оба выросли в семьях «богатых родителей». И Исидор, и Прокопий нашли в православной вере свое «духовное отечество» и отказались от «латинства». В житиях каждого из них в качестве основной религиозной практики эксплицировано «юродство». Но это не подвиг восточнохристианских салосов, «блаженных похабов», а близкое к модели поведения святых раннего и высокого западного Средневековья стремление к уединению и странничеству. В обоих житиях присутствует мотив моря. Исидор на некоем море совершил свое первое прижизненное чудо. Прокопий сам приплыл на Русь по морю на корабле.

Ни жития этих юродивых, ни другие источники, связанные с Ростовом и Устюгом, не дают возможности определенно ответить на вопрос, действительно ли оба они попали на Русь из каких-то «немецких земель», или это лишь элемент агиографического мифа, объясняющий странности их жизни и подвигов. Следует подчеркнуть, что примеры Исидора Твердислова и Прокопия Устюжского, несмотря на распространение в последующее время почитания святых-юродивых, уникальны. Других юродивых иноземного происхождения в русском православии больше не было⁴⁶.

Основываясь на приведенных в статье наблюдениях и аргументах, позволим себе осторожно предположить, что составители житий Исидора Твердислова и Прокопия

---

⁴³ Власов А. Н. Житийные повести и сказания... С. 509.

⁴⁴ Матхаузерова С. Прокопий Сазавский и Прокопий Устюжский. К одной параллели в исторической повествовательной литературе // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 161–165.

⁴⁵ Матхаузерова С. Прокопий Сазавский и Прокопий Устюжский. С. 161.

⁴⁶ Должно отметить, что «немцем» в историографии традиционно считается еще один ростовский юродивый Иоанн Власатый. Но А. Г. Мельник, изучив ряд списков его жития XVII–XIX вв., показал, что все рукописные редакции отличаются особой краткостью и сообщают лишь о том, что святой появился в Ростове в царствование Ивана Грозного неизвестно откуда и каких родителей «бог весть». Сведения о приходе Иоанна «из немец» имеют позднее происхождение и основываются на местном устном предании. См.: Мельник А. Г. Житие Иоанна Власатого Милостивого Ростовского // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. Дополнения. С. 388.

Устюжского, создавая неизвестный до этого русской книжности образ юродивого-иноземца «латинского языка» из «немецкой земли», ориентировались на агиографические тексты не только греко-византийского, но и западноевропейского происхождения, часть из которых была доступна в славянских переводах. Это свидетельствует о высоком уровне книжной культуры агиографов, их умении находить примеры жизнеописания святых за пределами привычного набора образцовых житий. Насыщенность текстов новгородскими сюжетными деталями указывает, что местом конструирования этой новой для Руси модели святости мог быть Новгород, имевший давние и обширные культурные связи как с поствизантийским миром, так и со странами Балтийского региона. Возможен и вариант создания житий святых-юродивых, прибывших из-за моря, новгородскими книжниками, по той или иной причине оказавшимися в Ростове и на русском Севере.

Информация о статье

Автор: Сукина, Людмила Борисовна — доктор исторических наук, доцент, Институт программных систем им. А. К. Айламазяна, Российская академия наук, Переславль-Залесский, Россия, Orc ID 0000-0001-7692-2085, Scopus ID 57360465100, Researcher ID AAQ-4290-2021, SPIN-код 4017-0885, Author ID 76952; e-mail: lbsukina@gmail.com

Заголовок: Святые, приплывшие из-за моря: «Немецкая» модель юродства в средневековой Руси

Резюме: В статье предпринимается попытка выдвинуть и обосновать гипотезу об использовании при формировании культа некоторых святых-юродивых русской Церкви особой модели данного подвига, заимствованной не из восточной, а из западной средневековой религиозной культуры. Некоторые жития русских юродивых заметно выпадают из восточнохристианской традиции, с которой старая и современная историография связывает их агиографию. Несмотря на почитание на Руси византийских салосов, в ее религиозной жизни практики юродства долгое время занимали маргинальное положение. В процессе становления и развития «национального» культа юродивых в Московском государстве одним из вариантов объяснения того, откуда появились такие подвижники, было их иноземное происхождение. В статье эта проблема рассматривается на материале агиографии Исидора Ростовского и Прокопия Устюжского. В их житиях можно выделить общую для них и необычную для русской агиографии топику. Оба святых неоднократно называются в текстах житий иноземцами, ранее жившими в Западных странах, «немецкой земле». Оба нашли в православной вере свое «духовное отечество» и отказались от «латинства». В житиях каждого из них в качестве основной религиозной практики эксплицировано «юродство». Но это не «похабство» восточнохристианских салосов, а близкое к модели поведения святых западного Средневековья стремление к уединению и странничеству. В обоих житиях присутствует мотив моря. Основываясь на приведенных в статье наблюдениях и аргументах, можно предположить, что составители житий, создавая неизвестный до этого русской книжности образ юродивого-иноземца, ориентировались на агиографические тексты не только греко-византийского, но и западноевропейского происхождения, часть из которых была доступна в славянских переводах. Насыщенность текстов новгородскими сюжетными деталями указывает, что местом конструирования этой новой для Руси модели святости мог быть Новгород, имевший давние и обширные культурные связи как с поствизантийским миром, так и со странами Балтийского региона.

Ключевые слова: средневековая Русь, история святости, жития святых, юродство, юродивые-иноземцы

Литература, использованная в статье:

Будовниц, Исаак Уриелевич. Юродивые Древней Руси // Вопросы истории религии и атеизма. Москва: Наука, 1964. Т. 12. С. 170–195.

Власов, Андрей Николаевич. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2010. 640 с.

Гладкова, Олеся Владимировна. Агиографический канон и «западная тема» в «Житии Исидора Твердислова, Ростовского Юродивого» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 81–88.

Гладкова, Олеся Владимировна. Древнерусский святой, пришедший с Запада (О малоизученном «Житии Исидора Твердислова, ростовского юродивого») // Древнерусская литература: Тема Запада

в XIII–XV вв. и повествовательное творчество / Отв. ред. Гладкова, Олеся Владимировна. Москва: Азбуковник, 2002. С. 167–210.

Городилин, Сергей Владимирович. Между «немецью землею» и Ростовом: Исторические реалии в Житии Исидора Твердислова // *Slovĕne*. 2018. Vol. 7. № 2. С. 414–450. DOI 10.31168/2305-6754.2018.7.2.16

Дмитриев, Лев Александрович. Жанр севернорусских житий // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Ленинград: Наука, 1972. Т. 27. С. 181–202.

Иванов, Сергей Аркадьевич. Византийское юродство. Москва: Международные отношения, 1994. 192 с.

Иванов, Сергей Аркадьевич. Блаженные похабы. Культурная история юродства. Москва: Языки славянских культур, 2005. 448 с.

Исидорова, Зоя Николаевна. О редакциях жития св. Исидора Твердислова // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность*. Санкт-Петербург: Наука, 2001. Вып. 4. С. 96–110.

Матхаузерова, Светла. Прокопий Сазавский и Прокопий Устюжский. К одной параллели в исторической повествовательной литературе // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 161–165.

Молдован, Александр Михайлович. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. Москва: Азбуковник, 2000. 759 с.

Мюллер, Людольф. Рассказ об Исаакии и сказание «что ради зовется Печерский монастырь» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 54. С. 66–69.

Панченко, Александр Михайлович. Смех как зрелище // *Лихачев, Дмитрий Сергеевич; Панченко, Александр Михайлович; Поньрко, Наталья Владимировна.* Смех в Древней Руси. Ленинград: Наука, 1984. С. 72–110.

Панченко, Александр Михайлович. Юродивые на Руси // *Панченко, Александр Михайлович.* Русская история и культура: Работы разных лет. Санкт-Петербург: Юна, 1999. С. 392–407.

Туминская, Ольга Анатольевна. Блаженные и юродивые в истории, житии и изобразительном искусстве. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 207 с.

Туминская, Ольга Анатольевна. Блаженные и юродивые в русской иконе XVI–XIX веков. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. 203 с.

Уколова, Виктория Ивановна. Первый средневековый энциклопедист // *Вопросы истории*. 1983. № 6. С. 185–188.

Успенский, Борис Андреевич. Антиповедение в культуре Древней Руси // *Успенский, Борис Андреевич.* Избранные труды. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1994. Т. 1. С. 320–332.

Юрсанов, Андрей Львович. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2006. 433 с.

Юрков, Сергей Евгеньевич. Под знаком гротеска: Антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.). Санкт-Петербург: Летний сад, 2003. 210 с.

Ivanov, Sergey. Holy Fools in Byzantium and Beyond. Oxford: Oxford University Press, 2006. 479 p.

Information about the article

Author: Sukina, Liudmila Borisovna — Dr. Sc. in History, Associate Professor, The Program Systems Institute of the Russian Academy of Sciences, Pereslavl-Zalessky, Russia, Orc ID 0000-0001-7692-2085, Scopus ID 57360465100, Researcher ID AAQ-4290-2021, SPIN-code 4017-0885, Author ID 76952; e-mail: lbsukina@gmail.com

Title: Saints who sailed from the sea: «German» model of foolishness in Old Russia

Summary: The article attempts to put forward and substantiate a hypothesis about the use of a special model of this feat in the formation of the cult of some holy fools of the Russian Church, borrowed not from the eastern, but from the western medieval religious culture. Some lives of Russian holy fools noticeably fall out of the Eastern Christian tradition, with which old and modern historiography links their hagiography. Despite the veneration of the Byzantine *σαλος* in Ancient Russia, in its religious life the practices of foolishness occupied a marginal position for a long time. In the process of formation and development of the «national» cult of holy fools in the Muscovite state, one of the options for explaining where such ascetics came from was their foreign origin. In the article this problem is considered on the material of the hagiography of Isidor of Rostov and Procopius of Ustyug. In their Lives, one can single out a topic that is common to them and unusual for Russian hagiography. Both saints are repeatedly referred to in the texts of their Lives as foreigners who previously lived in Western countries, «German land». Both found in the Orthodox faith their «spiritual

fatherland» and abandoned the «Latinism». In the Lives of each of them, «foolishness» is explicated as the main religious practice. But this is not the «obscenity» of the Eastern Christian *σαλος*, but a desire for solitude and wandering close to the model of behavior of the saints of the Western Middle Ages. In both lives there is a motif of the sea. Based on the observations and arguments presented in the article, it can be assumed that the compilers of the hagiographies, creating the image of a holy fool-foreigner unknown to Old Russian literature before, were guided by hagiographic texts not only of Greek-Byzantine, but also of Western European origin, some of which were available in Slavic translations. The saturation of the texts with Novgorod plot details indicates that Novgorod, which had long-standing and extensive cultural ties both with the post-Byzantine world and with the countries of the Baltic region, could be the place for constructing this new model of holiness for Old Russia.

Keywords: Old Russia, history of holiness, hagiography, foolishness, holy fools-foreigners

References:

- Budovnits, Isaak Urievich. Yurodivye Drevney Rusi [Fools of Old Russia], in *Voprosy istorii religii i ateizma* [Questions of the history of religion and atheism]. Moscow: Nauka Publ., 1964. Vol. 12. Pp. 170–195. (in Russian).
- Gladkova, Olesya Vladimirovna. Agiograficheskiy kanon i «zapadnaya tema» v «Zhitiy Isidora Tverdislova, Rostovskogo Yurodivogo» [The Hagiographic Canon and the «Western Theme» in the «Life of Isidor Tverdislov, Fool of Rostov»], in *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Rus'. Questions of medieval studies]. Moscow, 2001. No. 2 (4). Pp. 81–88. (in Russian).
- Gladkova, Olesya Vladimirovna. Drevnerusskiy svyatoy, prishedshiy s Zapada (O maloizuchennom «Zhitiy Isidora Tverdislova, rostovskogo yurodivogo») [Old Russian saint who came from the West (About the little-studied «Life of Isidor Tverdislov, fool of Rostov»)], in Gladkova, Olesya Vladimirovna (ed.). *Drevnerusskaya literatura: Tema Zapada v XIII–XV vv. i povestvovatel'noye tvorchestvo* [Old Russian literature: The theme of the West in the 13th–15th centuries and storytelling]. Moscow: «Azbukovnik» Publ., 2002. Pp. 167–210. (in Russian).
- Gorodilin, Sergey Vladimirovich. Mezhdru «nemetsskoyu zemleyu» i Rostovom: Istoricheskie realii v Zhitiy Isidora Tverdislova [Between «German Land» and Rostov: Historical Realian in the Life of Isidore of Rostov], in *Slověne*. Vol. 7. No. 2. Pp. 414–450. (in Russian). DOI 10.31168/2305-6754.2018.7.2.16
- Dmitriev, Lev Aleksandrovich. Zhanr severnorusskikh zhitiy [Genre of Northern Russian Lives], in *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad: Nauka Publ., 1972. Vol. 27. Pp. 171–202. (in Russian).
- Isidorova, Zoya Nikolaevna. O redakciyah zhitiya sv. Isidora Tverdislova [About the editions of the Life of St. Isidor Tverdislov], in *Opyty po istochnikovedeniyu. Drevnerusskaya knizhnost'* [Source experience. Old Russian literacy]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2001. Vol. 4. Pp. 96–110. (in Russian).
- Ivanov, Sergey. *Holy Fools in Byzantium and Beyond*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 479 p.
- Ivanov, Sergey Arkadyevich. *Blazhemye pohaby. Kul'turnaya istoriya yurodstva* [Blissful obscenities. Cultural history of foolishness]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005. 448 p. (in Russian).
- Ivanov, Sergej Arkadyevich. *Vizantijskoe yurodstvo* [Byzantine foolishness]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1994. 192 p. (in Russian).
- Mathauserova, Světa. Prokopiy Sazavskiy i Prokopiy Ustyuzhskiy. K odnoy paraleli v istoricheskoy povestvovatel'noy literature [Procopius of Sava and Procopius of Ustyug. Toward a parallel in historical narrative literature], in *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2006. Vol. 57. Pp. 161–165. (in Russian).
- Moldovan, Aleksandr Mihaylovich. *Zhitie Andreya Yurodivogo v slavyanskoj pis'mennosti* [The Life of Andrey the Fool in slavic writing]. Moscow: «Azbukovnik» Publ., 2000. 759 p. (in Russian).
- Müller, Ludolf. Rasskaz ob Isaakii i skazaniye «chto radi zovetsya Pecherskiy monastyr'» [The story about Isaac and the legend «why the monastery is called Pechersky»], in *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2003. Vol. 54. Pp. 66–69. (in Russian).
- Panchenko, Aleksandr Mihaylovich. Smeh kak zrelishe [Laughter as a spectacle], in Lihachev, Dmitriy Sergeevich; Panchenko, Aleksandr Mihaylovich; Ponyrko, Natalya Vladimirovna. *Smeh v Drevnej Rusi* [Laughter in Old Russia]. Leningrad: Nauka Publ., 1974. Pp. 72–110. (in Russian).
- Panchenko, Aleksandr Mihaylovich. Yurodivye na Rusi [Holy fools in Old Russia], in Panchenko, Aleksandr Mihaylovich. *Russkaya istoriya i kul'tura: Raboty raznykh let* [Russian history and culture: Works of different years]. Saint Petersburg: Yuna Publ., 1999. Pp. 392–407. (in Russian).

Tuminskaya, Olga Anatolyevna. *Blazhennye i yurodivye v istorii, zhittii i izobrazitel'nom iskusstve* [Blessed and holy fools in history, life and fine arts]. Saint Petersburg: Herzen University Publ., 2012. 207 p. (in Russian).

Tuminskaya, Olga Anatolyevna. *Blazhennye i yurodivye v russkoy ikone XVI–XIX vekov* [Blessed and holy fools in Russian icons of the 16th–19th centuries]. Saint Petersburg: Herzen University Publ., 2014. 203 p. (in Russian).

Ukolova, Viktoriya Ivanovna. Pervyi srednevekovyi entsiklopedist [The first medieval encyclopedist], in *Voprosy istorii* [Questions of history]. 1983. No. 6. Pp. 185–188. (in Russian).

Uspenskiy, Boris Andreevich. Antipovedenie v kul'ture Drevney Rusi [Antibehavior in the culture of Old Russia], in Uspenskiy, Boris Andreevich. *Izbrannye Trudy* [Selected writings]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Publ., 1994. Vol. 1. Pp. 320–332. (in Russian).

Vlasov, Andrey Nikolaevich. *Zhitiynye povesti i skazaniya o svyatykh yurodivykh Prokopii i Ioanne Ustyuzhskikh* [Hagiographic tales and legends about the holy fools Procopius and John of Ustyug]. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2010. 640 p. (in Russian).

Yurganov, Andrey Levovich. *Ubit' besa. Put' ot Srednevekoviya k Novomu vremeni* [Kill the demon. The path from the Middle Ages to the New Age]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet Publ., 2006. 433 p. (in Russian).

Yurkov, Sergey Evgenyevich. *Pod znakom groteska: Antipovedenie v russkoy kul'ture (XI – nachalo XX vv.)* [Under the sign of the grotesque: antibehavior in Russian culture (11th – early 20th centuries)]. Saint Petersburg: Letniy sad Publ., 2003. 210 p. (in Russian).